

УДК 271.2 – 1

ББК 86.372:87.3(2)

В.А. ШАПОШНИКОВМосковский государственный университет
имени М.В. Ломоносова**ПУТЬ П.А. ФЛОРЕНСКОГО В ЦЕРКОВЬ¹**

Статья посвящена разработке творческой биографии П.А. Флоренского – будущего священнослужителя и одного из крупнейших религиозных мыслителей первой половины XX в., анализируется его духовное развитие в годы учебы в Императорском Московском университете (1900 – 1904). Материалом исследования является, прежде всего, переписка Флоренского. Выявляется и исследуется влияние на Флоренского идей Владимира Соловьёва.

The article is devoted to the study of Pavel Florensky's biography, a future churchman and one of the biggest religious thinkers in the first half of XXth century. His correspondence provides us with the unique opportunity to analyze the most important period of his spiritual development in Imperial Moscow University in the studying years of 1900-1904. It is the period characterized by the great influence of Vladimir Solovyov's ideas when Pavel Florensky chose the Orthodox Church as the complete Truth. The data for this study is P. Florenskiy's correspondence.

Ключевые слова: русская религиозная философия, П.А. Флоренский, Московский университет, духовная эволюция, наука и религия, влияние идей Владимира Соловьёва.

Keywords: Russian religious philosophy, Pavel Florensky, Moscow University, spiritual development, science and religion, influence of V. Solovyev's ideas.

... он сел заниматься –
доказывать теорему.

Какая-то бесформенность хаоса формировалась,
рождалось стройное тело.

Прозрачный холод охватывал восторгом.

«Только контур» был лишь зрителем
тайны.

Не помня себя, в волненьи
он приписал на полях бумажки:

«Благодарю Тебя, что даровал мне постичь Славу Твою,
Символ бесконечности Твоей.

Молился я Тебе – Ты внял молитвам.

Вот я пред Тобою, чтобы служить Тебе.

Клянусь памятью ее, что не изменю Тебе,
потому что люблю Тебя, Господи...»²

В письме к Павлу Флоренскому от 3 февраля 1905 г., в связи с событиями «кровавого воскресения» и русско-японской войны, о. Серапион (Машкин) обличал Русскую Православную Церковь как воздающую Божье кесарю, как впадшую в цезаро-папистскую ересь³. В ответном письме от 25 февраля 1905 г. Флоренский говорит, насколько тяжела ему сложившаяся ситуация: «Ведь более десяти лет упорной, усиленной работы, поглощавшей все силы и всю энергию, ушли на то, чтобы я смог войти в Церковь с сознанием, что я вхожу в Истину»⁴.

Указанные в этих словах «более десяти лет» охватывают гимназические годы в Тифлисе (1893–1900) и годы в Московском университете (1900–1904). Гимназические годы наш герой проводит вне церковных стен, хотя в нем и идет интенсивная внутренняя подготовительная работа, которую он описал в воспоминаниях: «В нашей семье суть религиозного воспитания заключалась в сознательном отстранении каких бы то ни было, положительных или отрицательных, религиозных воздействий извне, в том числе и от самих родителей»⁵. К сожалению, воспоминания обрываются на описании внутреннего кризиса лета 1899 г. и увлечения идеями Л. Толстого в тоске по Истине в последнем классе гимназии⁶.

Университетские годы Флоренского это не только годы наиболее интенсивных занятий математикой (он учился на математическом отделении физико-математического факультета), но и годы его прихода в Церковь. События названного периода требуют реконструкции, главной основой для которой служат сохранившиеся письма этих лет и, в первую очередь, обширная семейная переписка. В этих письмах имеются многочисленные указания на проходивший им путь воцерковления.

Согласно воспоминаниям П.Флоренского, годы 1898–1899 были для него временем окончательного оформления, а затем «обвала» научного мирозерцания. Отзвук этих событий находим в письмах отца⁷ к нему из Кутаиса в Тифлис. В письме от 15 января 1900 г. отец пишет: «Ты мне еще недавно говорил, что для тебя нет ни добродетелей, ни пороков, ни радости, ни страдания, а есть только известные физические явления»⁸. Но уже письмо отца от 14 мая 1900 г. являет иную картину. Из него мы узнаем, что сын «совершенно перевернул свои взгляды» и стремится «объединить знание и религию в одно». Отец относится к подобным замыслам скептически: «Объединить знание и религию в одно – эта задача была непосильна и остается непосильной. Религия есть частное дело каждого отдельного лица». Отца пугает, что сын собирается строить здание мировоззрения на фундаменте из книг, ведь книга не может и не должна быть заменой «жизни и мира». Пугает его и внезапный, как ему представляется, перелом в мировосприятии сына, он желал бы видеть в нем большую последовательность и устойчивость⁹.

Попрощавшись с уезжающим учиться сыном, А.И. Флоренский подводит в письме к жене итог их беседам: «В умственном отношении, – пишет он о сыне, – преобладающая <его> черта иметь мирозерцание, которое обьяло бы всё, из которого можно было бы всё построить. Признать необходимость идти от элементарного к сложному – он не может и это в нем не есть что-нибудь навеянное извне – а одна из прирожденных черт ума». Отец беспокоится, не поведет ли невозможность обрести такое мирозерцание к «полному разочарованию во всем», но уповает на исцеляющее действие «реальной работы и реальных обязанностей»¹⁰.

Письмо Павла Флоренского к матери от 2 сентября 1900 г. из Москвы содержит описание панорамы Яна Стыки «Голгофа». Он пишет о большом впечатлении от фигуры Христа и о невозможности без волнения, без колебания между надеждой и ожиданием повторить вопрос Пилата «что есть исти-

на?». Однако о самом Христе говорится в этом письме весьма отстраненно: «В данном случае решительно все равно, видеть ли в нем реальное и историческое лицо, как о Нем повествуют, или только символ, знак известной идеи, подобно тому, как буква является символом ничего общего с нею не имеющего звука, я говорю, это решительно все равно»¹¹.

Но даже на такое, вроде бы, вполне безобидное рассуждение последовала резкая реакция матери: «... мне было болезненно это читать. Я думаю, что нужно быть в соответственном настроении (даже взвинченным), чтобы так воспринять эту картину. В тебе же мне хотелось бы видеть более спокойствия и веселости» (письмо от 7 сентября 1900 г.)¹². На наш взгляд, такая реакция свидетельствует об особой болезненности восприятия родителями в сыне всего, что касалось религии.

Отзвуки обсуждения христианских тем находим и в письмах А.В. Ельчанинова¹³: «Насчет того, что Христос не может не быть, я не согласен, пока не приступишь к изучению Соловьева <...>, мне кажется, что ты согласился с ним во многих пунктах» (письмо от 12 октября 1900 г.). Видимо, в несохранившемся письме Флоренского утверждалось, что «Христос не может не быть» ... Возможно, он излагал Ельчанинову свои взгляды на синтез религии, философии и науки в едином абсолютном мировоззрении на основе математики, как отцу – в письме от 25 октября или матери – 5 октября того же года: «Религия получает совершенно особенный смысл и находит соответственное место в целом, место, которого она была лишена раньше, почему ей приходилось строить себе отдельное, изолированное помещение. Но я пишу тебе, как будто все это уже есть. Это не более, как смутные предчувствия будущего синтеза. Когда он будет сделан, где, кем? – все это еще вопросы. Я только убежден, что это совершится исключительно при вмешательстве математики, скорее даже философии математики»¹⁴.

Для Флоренского вхождение в православную Церковь есть вхождение в Истину, поэтому этот процесс оказался для него неразрывно связан с разрешением ряда *теоретических* вопросов, касающихся построения целостного мировоззрения.

Он убежден, что особую помощь оказывает ему в движении к Церкви именно математика. Об этом свидетельствует письмо Ельчанинова от 30 ноября 1900 г. Последний пишет: «твоя фраза “я кажется почти согласен с учением церкви православной... главным образом на основании занятий математикой и философией” для меня звучит дико; признавать вообще христианство на основаниях такого рода, это еще ничего; но именно православного толка, этого я покамест не могу понять, ведь разница и основывается на толковании текстов, на некоторых догматах etc.»¹⁵. Подводя итог своему пребыванию в стенах Университета, Флоренский вновь повторяет ту же мысль в письме к матери от 3 марта 1904 г.: «Университет дал очень много мне и в смысле научном, и, пожалуй, в нравственном, потому что я там встретил некоторых лиц, с которыми схожусь в некоторых убеждениях, по крайней мере, в положительном отношении к Церкви. <...> Произвести синтез церковности и светской культуры, вполне соединиться с Церковью, но без каких-либо компромиссов, честно воспринять

все положительное учение Церкви и научно-философское мировоззрение вместе с искусством и т.д. – вот как мне представляется одна из ближайших целей практической деятельности. <...> Я подходил к этому с самого детства. Одно время эта потребность была очень сильной, но вы не считали нужным обращаться на нее внимание; потом она приняла очень теоретический характер и ослабла, пока, наконец, занятия математикой и философией не дали *права* и санкции развиваться таким запросам совершенно свободно»¹⁶. Обратим внимание, что в обоих случаях математика поставлена на первое место, а философия – на второе.

О попытках выхода на религиозные проблемы через *математику* свидетельствует и письмо к отцу от 10 ноября 1900 г., которое Павел Флоренский целиком посвящает рассуждениям «о нуле»¹⁷. Он говорит о необходимости более глубокого, по сравнению с общепринятым, понимания нуля, приводит целый ряд примеров из математики и физики. В этом письме *ни слова* не сказано о религии! Однако отец, правильно угадав *религиозный подтекст* этих размышлений сына, пишет ему в ответ: «Ты довольно хитро своими умозаключениями хочешь доказать то, во что человечество старается верить, т.е. что ни оно ни индивидуум не могут обратиться в ничто». И сообщает свою заветную мысль: «... реальное знание – есть наиболее желаемое и наиболее светлое в истории человечества. Всякие же формулы чисто спекулятивного характера, как напр<имер> религиозные, именно благодаря их абсолютности и всеобъемлемости по мнению адептов их, приводят так или иначе к ауто-да-фе, хотя и с добрым желанием – спасти души противников» (письмо от 26 ноября)¹⁸. Здесь же отец добавляет: «меня все-таки потрясла эволюция твоей мысли, хотя я уверен, что ты скоро придешь вновь к старому, т.е. к опытно-теоретическому знанию».

В письме «о нуле» для Флоренского-младшего центральна следующая мысль: если мы чего-то не воспринимаем («нуль»), то отсюда не следует, что и действительно этого нет (например, духовной реальности). Такой ход мысли распространяется и на *прошлое*. Если что-то «прошло» (уравновесилось, взаимно сократилось), то это не значит, что оно исчезло бесследно, и в результате мы всегда имеем, независимо от того, что и как было, один и тот же бескачественный «нуль». Флоренский убежден, что «исчезнуть бесследно *ничто* не может» (заключительные строки письма), а потому нуль нулю – рознь, нули должны количественно и качественно различаться. Это, в первую очередь, *религиозное и нравственное* требование. Ведь для Флоренского математика необходимо должна быть взаимосвязана как с этикой, так и с религией¹⁹.

Кроме того, рассуждения «о нуле» связаны с важнейшими для всего творчества Флоренского темами *символа и границы*. Символическое искусство имеет главным своим предметом границу внешнего и внутреннего, чувственного и духовного, «кожу вещей»²⁰. Сама эта граница – почти ничто, неуловимая грань, «нуль», и в то же время она – наиважнейшее, точка встречи феномена и ноумена, вбирающая в себя всю полноту бытия²¹.

В письме к отцу от 25 октября 1900 г. Флоренский намечает важнейшую для него антитезу *позитивизм – христианство*: «Я придаю громадное значение увлечению позитивизмом, который, как выражается Вл. Соловьёв, “по-

кончил и с катехизисом Филарета, и с катехизисом Бюхнера», а кроме того, внушил уважение к факту. Но его роль сыграна. Это – тоже факт, с которым надо считаться». Эти слова создают мнимое ощущение легкости, на деле же Флоренский еще очень долго продолжал переживать и продумывать в себе и вокруг себя борьбу христианского миропонимания с позитивистским. Именно этой теме будут посвящены первые его философские статьи – от «О суеверии и чуде» и «Две поэмы», до «Эмпиреи и эмпирии» и «Антония романа и Антония предания».

В переписке 1901 г. мы почти не находим свидетельств о духовном пути Флоренского. Этот год слишком богат внешними событиями: волнения в Москве и Петербурге и их последствия. Однако в конце 1901 года в письме к матери от 26 ноября находим намеки на собственный мистический опыт. «Вам кажется странным и нелепым мистицизм, – обращается Павел Флоренский к родителям, – или же в лучшем случае думаете, что это самообольщение и самоутешение. Но это не так. Тут не может быть самообольщений, когда переживаешь мистические события как факт, как самое достоверное, что только возможно». Далее он цитирует стихотворение Вл. Соловьёва «Милый друг, или ты не видишь...» и дает к нему такой комментарий: «Со стороны это обыкновенно кажется либо метафорами, либо бредом, а что же делать (если это уж так неприятно!), что же делать, когда в известные моменты слышишь эти созвучия (те «торжествующие созвучия», о которых говорит Соловьёв – *В.Ш.*)». Затем Флоренский переходит уже в открытое наступление на скептически-позитивистскую установку родителей: «На меня (скажу заранее) все аргументы вроде несварения желудка и т.п. не действуют; мне кажется, что я сам прошел полный “курс” (быть может, слишком полный) и “несварений желудка”, и отрицаний и т.п. Никакие “научные доводы”, как их *почему-то* называют, меня теперь не удивят, а только могут вызвать недоумение, зачем уже 20 раз слышанное повторять в 21. Я не берусь решать, в какой степени на них отвечено, так сказать, официально, но думаю что даже слишком много. А себя я считаю разобравшимся во многих сомнениях и даже имеющим нечто положительное». Заключительные слова отмечают очередной пройденный этап на пути к Церкви. Ответная реакция матери – в письме от 8 декабря 1901 г. Стихотворение Соловьёва она прочитывает через призму лермонтовского «Ангела», а созерцанию мира с высокого горного перевала, когда все земное выглядит таким далеким и ничтожным, стремлению объять необъятное, способному вызывать в нас лишь сознание собственной слабости и разочарование, противопоставляет маленькие, но подлинные человеческие горести и радости и честное исполнение своих маленьких дел и своего маленького долга, которое только и делает человека счастливым. Родители стараются вернуть сына с небес на землю²².

В письме от 7 апреля 1902 г. Флоренский рассказывает матери об осмотре московских церквей и посещении Симонова монастыря с гимназическими друзьями – Николаем Семенниковым и Владимиром Эрном²³. Мать обеспокоена таким направлением интересов сына: «Как странно, что в твоём письме не слышатся совершенно отголоски современной жизни. Не слишком ли увлекаешься церквами и т.д. У тебя кстати и компания подобралась такая, не совсем со-

временная, кажется» (письмо от 19 мая 1902 г.). Сам Флоренский степень «современности» своих интересов оценивал по-другому. Так, в письме к сестре Люсе от 16 декабря 1902 г. он говорит следующее: «Без сомнения, происходит в России какое-то сильнейшее брожение на религиозной почве; складывается новое мировоззрение, и мы попали прямо в точку перелома»²⁴.

К осени 1902 г. относится еще один важный эпизод. В письме к матери от 6 октября Павел Флоренский сообщает, что филологическое студенческое общество, в учреждении которого он принимал участие, собирается начать свою издательскую деятельность с выпуска собрания латинских диссертаций Канта в русском переводе. «Я взял одну маленькую, – пишет Флоренский, – страниц в 20 для перевода, а потом, если найду время, переведу еще другую, тоже небольшую»²⁵. Издание собрания латинских диссертаций Канта так и не состоялось. Однако одна диссертация Канта, о которой здесь и идет речь, – «Физическая монадология», – Флоренским все-таки была переведена²⁶. Письмо отца от 22 октября 1902 г.²⁷, по-видимому, является ответом на несохранившееся письмо сына (которое тот обещает, в конце письма к матери от 6 октября 1902 г., написать на днях). Судя по рассуждениям Флоренского-отца в этом письме о соотношении понятий «материальный атом» и «центр сил», а далее – о метафизических и религиозных основах науки, в своем письме Флоренский-сын рассуждал о важности и современном интересе проблематики, обсуждаемой в кантовской «Физической монадологии».

Эти мысли позднее будут изложены Флоренским во вступительной статье к переводу. Замена материального атома центром сил – основная идея так называемой *динамической теории материи*, сторонником которой был Лейбниц и к которой относится названная диссертация Канта²⁸. Для Флоренского интерес к этому кругу вопросов отнюдь не был случаен. В письме к отцу от 27 сентября 1900 г. он писал о своем большом интересе к теме «уравнения состояния материи» в связи с вопросом о прерывности и непрерывности явлений физического мира²⁹. Флоренского, как он сам писал в воспоминаниях³⁰, всегда интересовала проблема границы, места встречи, точки перехода от внешнего к внутреннему, от материи к духу, от феномена к ноумену. Его преимущественно притягивает тайна того момента, когда материальный мир делается «прозрачным» и мы вдруг открываем его духовную основу. В этом контексте и возникает интерес к динамической теории материи и к монадологии. Ведь здесь, «оставаясь на точке зрения внешнего, мы не можем мыслить центр сил, как фикцию, как математическую точку, не отмеченную ничем особенным; а “отметить” ее психическим центром мы тоже не можем, так как не можем придавать *внутреннему* пространственных определений. Поэтому в переходе от динамизма к монадологии в обычной диалектической цепи усматривается разрыв, пробел, и его необходимо заполнить; с этой целью приходится постулировать некоторую “полу-духовную” сущность, невещественную, но находящуюся в пространстве монадо-образную единицу»³¹.

Отец в письме от 22 октября 1902 г. в ответ на рассуждения сына о динамической теории материи критикует его попытки извлекать из математики общие выводы, видя в них, с одной стороны, произвольность, а с другой – наси-

лие над свободой личности. Сын хочет не просто принять православие, но, чтобы православие математически строго доказывалось! Религиозные требования, полагает отец, это «требования отдельного индивидуума, не обязательные для всех»; только как таковые они приемлемы для него. Речь, полагает Флоренский-старший, идет о неизвестном, и какими словами его обозначить – личное дело каждого. Если же, как у сына, утверждается иное – это посягательство на свободу человека.

В декабре 1902 г. – январе 1903 г. происходит очередное выяснение отношений с родителями, связанное со следующим шагом сына в сторону православной Церкви. Первый повод для разговора был подан Павлом Флоренским в письме к матери от 2 декабря 1902 г., в котором он упомянул о своем интересе к духовенству и священнической среде³². Мать отреагировала достаточно резко: «Не понимаю только твоего желания попасть именно в общество попов. Неужели ты можешь чувствовать себя с ними свободно? Папа же находит, что именно из духовной среды выходят в России выдающиеся люди, и они представляют интерес по своей практичности. Но вряд ли ты ищешь это в людях» (письмо от 9 декабря 1902 г.). Далее, в письме от 16 декабря 1902 г., мать высказалась о рождественской елке как дикарском обычае, который ей не нравится³³. Это послужило вторым поводом. В ответ сын достаточно развернуто и также весьма резко сформулировал свою позицию и противопоставил ее родительской: «Вы хотите на наше прошлое, которое должно быть дорого нам, смотреть высокомерно: вот отсюда высокомерное отношение к религии, к обычаям, к известному укладу жизни, и в этом отношении наше воспитание является величайшим злом: вместо людей вы хотите воспитать абстракции, каких-то “чистых духов”; и в результате этого выходит то, что никто не может быть чистым духом, а понимания уклада жизни тем более нет. Сейчас, напр<имер>, я считаю себя православным, а между тем, вполне признавая теоретически истинность воззрения Церкви, не могу исполнять и проводить их на практике. Символы должны быть привычными с детства, они должны срастись со своими идеями, а у меня, конечно, этого пока еще нет» (письмо от 25 декабря 1902 г.)³⁴.

Мать ответила жестко: «Вчерашнее письмо твое заставило всех в доме поговорить о тебе. То, что ты пишешь о значении обычаев, языке и т.п., вещь давно известная. Что мы не можем вполне освободиться от старых пережитков, это доказывает лишь слабость нашего человеческого духа, от которой ты в особенности должен бы стараться освободиться. А все устаревшее не мешает отбросить. Бесполезно и невесело искусственно цепляться за старину, когда с развитием человечества могут создаваться новые символические проявления духа, без которых, по-твоему, нельзя людям жить. Мне страшно, чтоб ты мог быть настоящим образом убежден в том, что ты пишешь об обрядности и т.д. Мне кажется, что ты занимаешься в некотором роде самовнушением и бессознательно настраиваешься на известный лад. Уж не пребывание ли в Москве тому причиной. Пожалуй, придется пожалеть об этом: мы находимся на слишком противоположных концах» (письмо от 3 января 1903 г.)³⁵.

Сын 21 января 1903 г. сделал ответный ход, вновь стремясь сформулировать обретенную им позицию: «Я право не знаю, как и о чем я могу писать

тебе. О чем я ни пишу, сейчас ты недовольна; о целом ряде вопросов что бы я ни говорил (именно я), ты не хочешь просто слушать и спешишь заявить, что я и сам не верю своим словам. Ведь нельзя же закрывать глаза на факты из-за того, чтобы подогнать всё по своей мерке. Тебе хочется, чтобы у меня не было известного мировоззрения, и я уже более четырех лет твержу, что оно всё-таки у меня есть, но пока никакого ответа кроме настойчивого отрицания факта я не слышу. Весьма возможно, что оно разовьется дальше, так или иначе, не берусь решать, но ведь для меня не может <не> быть, наконец, обидно ваше утверждение: ты такой от того, что попал в Москву и нам надо жалеть об этом. Ведь это значит, вы попросту отрицаете за мною то, чем я единственно дорожу: сознательное развитие мировоззрения и отбрасывание прочь *предрассудков*, будь они даже предрассудки интеллигенции. Да и притом надоело мне слушать сказку о Писареве и проч. и в ответ на все мои запросы получать ответ г-на Писарева. Если поколение, которое вам кажется наиболее идеальным, было необходимо, чтобы пробудить сознательность, заставить своим отрицанием разумно построить мировоззрение, то однако как исторический слой оно – пустота, голое отрицание. Если оно и расчистило почву, то само оно не почва. <...> Мне нужно стоять на чем-нибудь, на исторической почве, иметь нечто реальное, а не абстракции о будущем блаженстве. Ближайший слой, на котором можно упереться, не увязая в под-под-партиях, это наши деды, и я обязан воспринять то положительное, ту историческую почву, которую они мне дают. <...> И почему-то вы непременно хотите вырвать эту почву у меня из-под ног, хотите, чтобы я снова носился по воздуху. Вы не хотите вникнуть в то, что дорого всему народу, не хотите посмотреть, не скрывается ли там, за грубой оболочкой, чего-нибудь ценного, а просто брезгливо отворачиваетесь. И ведь этот нигилизм не только в отношении к религии, метафизике и т.д.; и наука не убежала его вовсе. Мне кажется, всякое “да” просто претит вам, и хочется (именно хочется, т.к. бывает несколько не обосновано) отрицания всего, неопределенности и неоформленности. Поэтому, мне кажется, вам должно быть просто неприятно видеть под чем-нибудь почву. Серое, бесформенное, неиндивидуальное, незаметное и витающее в воздухе – вот то, что должен ценить я, с вашей точки зрения. Это всё чистое отрицание, и для меня имеет значение только для оттенения всего положительного. Вы все великое хотите свести на малое, а я в том, что вы считаете малым, усматриваю признаки великого»³⁶.

На жесткую отповедь сына отец прореагировал в письме от 28 января 1903 г. в следующих словах: «... твое неоспоримое право думать и мыслить по-своему – принадлежит и нам, а следовательно, и право взаимное оспаривать чужое убеждение. Если станешь на эту почву, то поймешь, что с нашей стороны нет желания насиловать твою мысль, а только оспаривание справедливости ее и желательности или нежелательности с общественной точки зрения, согласно нашему мировоззрению». Далее отец рассуждает о спорах отцов и детей, либерализма и консерватизма вообще. Он подчеркивает при этом, что, несмотря на его собственные симпатии, связанные с особенностями воспитания и исторического периода, он не боится никакой убежденной мысли, ни своей, ни чужой, надеясь, что и сын стоит на той же почве. Мать же, в ответном

письме от 3 февраля 1903 г., лишь кратко и холодно заметила: «Последнее письмо твое было конечно не особенно приятно получить. Причем тут Писарев и К??? Кажется, вопрос этот можно было бы рассматривать шире, не приурочивая к такому ограниченному периоду времени и месту. Но вижу, что лучше такие темы не затрагивать»³⁷.

Еще до получения последнего письма от матери Павел Флоренский пишет ей 4 февраля 1903 г.: «Только сейчас получил письмо от папы, и, насколько понимаю, вы мною недовольны, особенно ты, дорогая мамочка, т.к. не хочешь даже писать. Право не за что: стараюсь делать, что могу, но не скрывать же мне своих убеждений, хотя бы они и были, как ты утверждаешь, временными. Я, конечно, надеюсь, что все мои воззрения всегда будут временными, т.е. всю жизнь будут развиваться; но нельзя смешивать органического развития мировоззрения, внутренней потребности исправлять и дополнять его с простым менянием убеждений. Про себя могу сказать, что я пока еще ни разу не *менял* просто убеждений, а насколько мог старался стройно двигать их вперед, и сердиться за то, что видишь пункты, где необходимы пополнения, было бы странно»³⁸.

Последним шагом в столкновении Павла Флоренского с родителями по вопросам религии на рубеже 1902–1903 годов стало письмо отца от 11 февраля 1903 г. В нем он особо подчеркивает необходимость *терпимости* к взглядам друг друга, особенно в связи с *логической недоказуемостью* религиозных положений: «Ведь в спорах по вопросам философским, общественным, религиозным – главным доводом в конце концов все-таки является убеждение, вера, а вовсе не логическое заключение». Признавая право каждого иметь свои взгляды и видя даже в бесконечном изменении во времени «калейдоскопа мысли» не «каприз личностей», а проявление исторической необходимости, отец предостерегает сына от опасного стремления перевести выбор убеждений, в том числе религиозных, из области философской полемики и личного избрания – в область «ежедневных вопросов общественной жизни» и государственного регулирования. «Ведь так просто, – пишет он, – укоренить в людях идею, что человеческая порода имеет право в совокупности пользоваться солнцем, воздухом, водой, пищей и пр.; а между тем религиозная точка зрения ставит этот вопрос совершенно нелогично, требуя подразделения человечества на две группы: одна страдает, для того чтобы другая могла укрепляться в добродетели. Я этого взгляда не могу понять»³⁹.

В начале 1904 г. Павел Флоренский начинает упоминать в письмах о своем желании принять *монашество*. Так, в письме сестре Люсе от 24 января 1904 г. он говорит: «Думаю, мы с тобой совсем разошлись во взглядах. Вероятно ты становишься понемногу склонной к умеренному позитивизму на почве науки и т.п., а я со дня на день все более наклоняюсь к монашеству, для себя лично, и теперь, кажется, вполне являюсь православным, разумеется, я говорю о мелочах, а не про главное, потому что в главное втайне я всегда, с самого малого детства верил, но это оставалось до поры до времени совершенно обособленным ото всей остальной жизни, пока не просочилось всюду»⁴⁰.

В письме к матери от 3 марта он рассказывает о произошедшем на днях знакомстве с епископом Антонием (Флоренсовым), который станет в дальней-

шем его духовником⁴¹. Вызревающее у сына решение предпочесть духовный путь научному вызывает большое беспокойство родителей. Мать пишет ему 15 марта 1904 г.: «Боюсь, что ты идешь по неверному пути и сильно пожалеешь об этом». Отец 24 марта 1904 г.: «... позволь тебе только сказать, что заменить широкий, даже бесконечный горизонт мысли в области знания и религии, извини за выражение, некоторого рода фетишизмом, мне кажется для тебя не годится». Он даже призывает сына «вспомнить своего учителя Бугаева»⁴². Сын отвечает им в письме от 26 марта 1904 г. Родители видят в его выборе окончательный отказ от науки; он же возражает, что наука у настоящего ученого «не висит на воздухе, а опирается на религиозную жизнь». Он пишет им, что лишь приводит в ход программу, намеченную более пяти лет назад. Завершает же свои рассуждения Флоренский-младший следующими словами:

«Я глубоко убежден, что без религиозных интересов не может у серьезного и вдумчивого человека быть каких бы то ни было идеальных интересов, иначе рано или поздно даже у самых высоких личностей произойдет равнодушие и бесчувственность ко всему кроме того, что непосредственно дает о себе знать, и я хорошо помню свой страстный, но ото всех скрываемый пантеизм, который возбуждал особую любовь к исследованиям естественно-научным. Как только он временно ослаб, так все научные исследования показались ненужными и чуждыми. И сейчас естественные науки мне гораздо менее интересны, чем ранее, именно по той же причине; центр же тяжести перешел на математику и т.п.»⁴³.

Несмотря на разъяснения сына, родители хотят, чтобы он или остался при Университете, или продолжил получение образования за пределами России. В письме от 22 марта 1904 г. Люся спрашивает, не собирается ли он за границу. Об этом мечтает и мать (письма от 3 апреля и 1 октября). Отец в письме от 12 апреля советует все-таки оставаться при Университете⁴⁴. В письме от 16 апреля сын рассказывает матери о поездке в Московскую Духовную Академию и знакомстве с ректором⁴⁵, а также – о своем стремлении ближе ознакомиться с бытом духовенства, но откладывает подробный разговор о планах на будущее до приезда домой.

Какое решение было в итоге принято Павлом Флоренским, мы знаем. Видимо, решающую роль сыграл обмен письмами с епископом Антонием в июле 1904 г. Флоренский, по-видимому, писал ему о своем желании принять монашество и сопротивлении родителей, просил совета и благословения, но получил ответ, что «о монашестве нет заповеди, а о родителях есть». «По-моему, самое лучшее пока в Вашем положении, – завершает письмо о. Антоний, – с согласия родителей, поступить в Духовную Академию и учиться, а там, по окончании курса, видно будет, что дальше делать. Вы толкуете о какой-то общественной деятельности. Значит, Вы помышляете не о монашестве, а о чем-то другом. Обеты монашества содержат в себе долг повиновения и ученичества, а не учительства и начальствования»⁴⁶.

Духовный наставник оказался пророчески мудр. Павлу Флоренскому суждено было не монашество, а брак, священство и профессорство в Московской Духовной Академии. Много лет спустя о. Павел писал об этом: «Я имел воз-

возможность быть профессором по любимой мною математике; имел и другую возможность – заниматься богословием за границей (мой отец почти требовал этого и обиделся на меня за Академию)⁴⁷. Если я отказался от всего этого и, избрав Академию, потратил на нее 10 лучших лет своей жизни и упорного труда – значит, я хотел именно православия и именно церковности» (письмо еп. Феодору (Поздеевскому), ректору МДА от 7 ноября 1913 г.)⁴⁸.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Философия науки о. Павла Флоренского» (№ 09-03-00615а).

² Флоренский П.А. Святой Владимир. Поэма // П. Флоренский и символисты. М., 2004. С. 252–253. Первая часть поэмы, из которой и взяты приведенные слова, датирована 17 июня 1904 г. «Только контур» (он же – «контур», «человек, чертящий контуры», «человек, гравирующий контуры») – персонаж поэмы, наиболее явно наделенный чертами ее автора. Его имя намекает, в том числе, и на геометрические чертежи, которые делал студент-математик Флоренский. «Она», памятью которой клянется «контур», – это, судя по контексту, могила Вл. Соловьёва, на которого указывает и название поэмы (Там же. С. 254–256). По поводу слов «Символ бесконечности Твоей» см. статью Флоренского «О символах Бесконечности (очерк идей Г. Кантора)» (1904) (Соч. в 4-х т. М., 1994. Т. 1. С. 79–128). В письме сестре Люсе от 21 мая 1904 г. он писал: «“теоретическая” <деятельность>, мои личные занятия, всегда бывала для меня не просто занятиями, а родом молитвы» (У водораздела жизни. Переписка П.А. Флоренского с родными и близкими в 1904 г. // Антропологические матрицы XX века. Л.С. Выгодский – П.А. Флоренский. Несостоявшийся диалог. – Приглашение к диалогу. – М., 2007. С. 617). См. также: Шапошников В.А. Всеединство и аритмология (математические работы П.А. Флоренского университетских лет) // Философия, наука, образование – 2010. М.: ООО «Мэйлер», 2010. С. 306–330.

³ Письмо о. Серапиона было опубликовано Флоренским в сборнике: Вопросы религии. Вып. 1. М., 1906. С. 174–183. Переиздано: Сотников А.В. Архимандрит Серапион (Машкин) и о. Павел Флоренский // Путь к Востоку. Мистико-философский альманах. Вып. 1. – Томск, 1996. С. 26–32.

⁴ Архив семьи Флоренских (далее – АСФ).

⁵ Детям моим. М., 1992. С. 117–122.

⁶ Там же. С. 209–245. См. также переписку 1899 г. в статье: Флоренский П.В., Шутова Т.А. Едем к Соловьёву! // Человек. 2005. № 1. С. 150–156.

⁷ Об отце П. Флоренского – Александре Ивановиче Флоренском см.: Оноприенко В.И. Флоренские. М., 2000. С. 14–24.

⁸ Переписка Флоренских. 1900 // Человек. 2005. № 1. С. 158.

⁹ Там же. С. 159–160.

¹⁰ Там же. С. 166.

¹¹ Человек. 2005. № 2. С. 150–151. Возможно в приведенных словах о Христе имеется отзвук идей Л. Толстого и Э. Ренана. См.: Детям моим. М., 1992. С. 262. Впрочем, весьма вероятно, что для Павла Флоренского, когда он писал эти строки, уже не было «решительно всё равно», кого видеть во Христе, просто он не хотел слишком пугать мать. Косвенным подтверждением этому служит цитируемое ниже письмо Александра Ельчанинова к нему от 12 октября 1900 г., а также стихотворение «На смерть В. Соловьёва» (Москва, 1900), которое заканчивается словами «И все Христом ты претворял» (П. Флоренский и символисты. М., 2004. С. 126).

¹² Человек. 2005. № 2. С. 157.

¹³ В нашем распоряжении имеется только половина переписки гимназических друзей А. Ельчанинова и П. Флоренского: письма Флоренского, по-видимому, не сохранились.

¹⁴ Человек. 2005. № 3. С. 153.

¹⁵ Человек. 2005. № 4. С. 166.

¹⁶ У водораздела жизни. Переписка П.А. Флоренского с родными и близкими в 1904 г. // Антропологические матрицы XX века. Л.С. Выгодский – П.А. Флоренский. Несостоявшийся диалог. – Приглашение к диалогу. – М., 2007. С. 599–600.

¹⁷ Человек. 2005. № 4. С. 152–154.

¹⁸ Там же. С. 164–165.

¹⁹ Ср. параллельное место в письме к матери с Соловков от 6–7 апреля 1935 г.: «Все проходит, но все остается. Это мое самое заветное ощущение, что ничего не уходит совсем, ничего не пропадает, а где-то и как-то хранится. Ценность пребывает, хотя мы и перестаем воспринимать ее. И подвиги, хотя бы о них все забыли, пребывают как-то и дают свои плоды. Вот поэтому-то, хоть и жаль прошлого, но есть живое ощущение его вечности. С ним не навеки распрощался, а лишь временно. Мне кажется, все люди, каких бы они ни были убеждений, на самом деле, в глубине души, ощущают так же. Без этого жизнь стала бы бессмысленной и пустою» (Соч. в 4-х т. М., 1998. Т. 4. С. 203–204). См. сходные соображения в лекциях «Об историческом познании» 1916 г. (Соч. в 4-х т. М., 1999. Т. 3(2). С. 30–32). См. также в «Столпе и утверждении Истины» (М., 1914) рассуждения о сохранении прошедшего в «вечной памяти Божьей» (с. 193–202).

²⁰ По словам Ницше, которые о. Павел цитирует в «Столпе» (с. 276–277). См. также: Детям моим. М., 1992. С. 154.

²¹ Целостность человеческой личности мыслится о. Павлом как сосуществование дневного и ночного сознания, сумма которых равна нулю («Золотое сечение», 1917 // Соч. в 4-х т. М., 1999. Т. 3(1). С. 477). Как такая символическая грань им трактуется и иконостас, граница миров, место встречи дольного и горнего («Иконостас», 1922), и двусторонняя плоскость, место встречи действительных чисел и мнимых («Мнимости в геометрии», 1922, первая версия – 1902). См. также письмо с Соловков об «асимметрии» сыну Кириллу от 3 апреля 1936 г. (Соч. в 4-х томах. М., 1998. Т. 4. С. 424–430), где о. Павел пишет: «Все процессы происходят на поверхности, на границе между ВНУТРИ и ВНЕ».

²² Переписка студента первого курса Московского Императорского университета Павла Флоренского с родными и близкими в 1901 г. // Наше наследие. 2005. № 73. С. 111. В определенном смысле ответом сына служит стихотворение «Песня вольных каменщиков», датированное 19 апреля 1902 г. и имеющее посвящение «папе, хотя он этого не примет». Оно начинается словами: «Весь согласно дышит мир, // тайну дивную тая. // Но не делай свой кумир // из земного бытия.» (П. Флоренский и символисты. М., 2004. С. 131). Очень отчетливо свое понимание мистицизма Павел Флоренский выразил в письме к сестре Люсе от 2 ноября 1902 г.: «... все как-то не то, что нужно. Думаю, что это “не то” заключается в самой жизни, как она складывается теперь. Мы все не живем, а как будто пересаживаемся с поезда на поезд второпях. Все делаем лихорадочно, все наскоро, кое-как, поверхностно; мы не вглядываемся вглубь поступка и вещи. Вот это отсутствие созерцательности, умения посмотреть sub specie aeternitatis, мистицизма, благоговения к жизни и составляет “не то” всей современной культуры. Мы живем не священнодействуя, а как бы наскоро обедая» (АСФ). Позднее, 31 октября 1904 г., отец написал сыну: «Как ты ни стараешься придать особое значение мистицизму в жизни человека, это есть только известное настроение, а настроение всякое может быть предметом научного анализа. Для этого нужно только время» (У водораздела жизни. Переписка П.А. Флоренского с родными и близкими в 1904 г. // Антропологические матрицы XX века. Л.С. Выгодский – П.А. Флоренский. Несостоявшийся диалог. – Приглашение к диалогу. – М., 2007. С. 631).

²³ Письма 1902 г. // Новый журнал. 2001. № 223. С. 66–67.

²⁴ АСФ

²⁵ Новый журнал. 2001. № 223. С. 68.

²⁶ Она издана: Кант И. Физическая монадология <Вступительная статья «От переводчика» и примечания П.А. Флоренского> // Богословский вестник. 1905. Т. 3. № 9. С. 95–127. Вступи-

тельная статья переиздана: Соч. в 4-х т. М., 1994. Т. 1. С. 682–686. Перевод и, частично, вступительная статья и примечания переизданы в юбилейном собрании сочинений Канта: Кант И. Собр. соч. в 8-ми томах. М.: Чоро, 1994. Т. 1. С. 313–332, 513–524. Перевод, судя по переписке, был завершен в самом начале 1903 г., а вступительная статья к нему написана уже на первом курсе Академии.

²⁷ АСФ

²⁸ Примечательно, что приверженцем динамической теории материи был также Вл. Соловьёв, возводивший ее к гностику Валентину (статья о последнем в Брокгаузе-Эфроне).

²⁹ Человек. 2005. № 2. С. 172. Об этом же он напишет матери с Соловков 23–25 апреля 1936 г., говоря, что если бы он был в Москве и имел возможность работать в области физики, то стал бы заниматься «общими началами строения материи» (Соч. в 4-х т. М., 1998. Т. 4. С. 453).

³⁰ Детям моим. М., 1992. С. 153–159.

³¹ Соч. в 4-х т. М., 1994. Т. 1. С. 685.

³² Новый журнал. 2001. № 223. С. 75. В дате описки: вместо «XI» следует читать «XII».

³³ АСФ

³⁴ Новый журнал. 2001. № 223. С. 83. В дате также ошибка.

³⁵ АСФ

³⁶ Новый журнал. 2002. № 229. С. 110–111.

³⁷ АСФ

³⁸ Новый журнал. 2002. № 229. С. 113.

³⁹ АСФ

⁴⁰ У водораздела жизни. Переписка П.А. Флоренского с родными и близкими в 1904 г. // Антропологические матрицы XX века. Л.С. Выгодский – П.А. Флоренский. Несостоявшийся диалог. – Приглашение к диалогу. – М., 2007. С. 591. См. также письма Ельчанинова от 1 и 4 марта 1904 г. (Там же. С. 597, 600–601).

⁴¹ Там же. С. 600. Епископ Антоний был весьма популярен в среде московских символистов. См.: Иеродиакон Андроник (Трубачев). Епископ Антоний (Флоренсов) – духовник священника Павла Флоренского // Журнал Моск. Патриархии. 1981. № 9. С. 71–77; № 10. С. 65–73.

⁴² См.: Шапошников В.А. Философские взгляды Н.В. Бугаева и русская культура конца XIX – начала XX вв. // ИМИ. Вторая серия. Вып. 7(42). М., 2002. С. 62–91.

⁴³ У водораздела жизни. Переписка П.А. Флоренского с родными и близкими в 1904 г. // Антропологические матрицы XX века. Л.С. Выгодский – П.А. Флоренский. Несостоявшийся диалог. – Приглашение к диалогу. – М., 2007. С. 602, 604, 605–606.

⁴⁴ Там же. С. 603, 608, 624, 609. Предложение остаться при Московском университете Флоренский действительно получил. См. письмо Н.Н. Лузина к нему от 31 мая 1904 г. (Там же. С. 619).

⁴⁵ Там же. С. 611. В 1903–1909 гг. ректором МДА был архиепископ Евдоким (Василий Иванович Мещерский, 1869–1935). См. письма А.С. Петровского к Флоренскому от 20 января и 6 марта 1904 г. Вероятно, Флоренский познакомился с Петровским через Бугаева-младшего (Андрея Белого). Петровский учился вместе с Б.Н. Бугаевым на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета и входил в кружок «аргонавтов». Университет Петровский закончил на год раньше Флоренского, и поступил в Московскую духовную академию, располагающуюся в Сергиевом Посаде. По-видимому, именно через Петровского состоялось знакомство Флоренского с Академией. См.: Флоренский и символисты. М., 2004. С. 573–578.

⁴⁶ У водораздела жизни. С. 621.

⁴⁷ Отзвуки недавнего резкого объяснения между отцом и сыном явственны в холодном письме отца от 1 октября 1904 г.: «Не думай, что я сержусь на сделанный тобой шаг; но говорить о нем нам неудобно теперь. В будущем вероятно найдутся точки соприкосновения между нами, когда можно отнестись к вопросу без страстности». Письмо отца от 24 октября 1904 г. – уже теплое (Там же. С. 624–625). В последних письмах 1904 г. к сыну отец вновь делает попытку сформулировать различие их мировоззренческих позиций: «Мне кажется, что ты забегаешь

слишком вперед: надо заменить грязные лачужки более порядочным чистым жильем, а ты хочешь строить храм. Кто прав – покажет будущее, т.е. никто и ничто не покажет, так как каждый вероятно останется при своих убеждениях. Разницу между нами, я думаю, правильно определил бы, полагая, что мы стоим за демократизацию храма, сделать его объектом повсеместного и всеобщего пользования, в каждом жилище, а вы – стремитесь к аристократизации его, т.е. назад. Афины имели великолепные храмы, и лачужки в частных постройках и в идеях. Реально и духовно мы ставим и вопросы и задачи обратно. Что лучше – я не знаю, но уничтожить желание демократизации всего в людях нельзя» (письмо от 6 декабря 1904 г.). «Жизнь заставляет выступать друг против друга на тех же основаниях, как Рим выставлял друг против друга гладиаторов. Дело при борьбе не столько в принципиальных различиях, сколько в деталях жизни, в ее мелочах. Никогда может быть не проливалось столько крови в мире, как под знаменем христианства. Вот сущность различия наших взглядов: мы должны, хочешь не хочешь, вращаться в области деталей, в области относительного, штопать, чистить, а ты в своем порыве хочешь дать нам новое знамя, хотя девиз его также вероятно вечен, как и человечество. Недавно я встретился со старым товарищем, которого не видел 36 лет. Он, между прочим, еврей. Между прочим, он меня спросил, что ты делаешь. Я ответил, что ищешь истину. «О, она глубоко зарыта...» – сказал он на это безнадежно» (письмо от 19 декабря 1904 г.). (Там же. С. 638–639).

⁴⁸ Цит. по: Игумен Андроник (Трубаев). Из истории книги «Столп и утверждение Истины» // Флоренский П.А. <Соч. в 2-х томах.> Столп и утверждение Истины. М., 1990. Т. 1(II). С. 833.

Соловьёвские исследования. Вып. 1 (29) 2011

Журнал издается с 2001 года

ISSN 2076-9210

Редакционная коллегия:

М.В. Максимов, д-р филос. наук (главный редактор, г. Иваново),
А.П. Козырев, канд. филос. наук (зам. гл. редактора, г. Москва)

Е.М. Амелина, д-р филос. наук (г. Москва),
А.В. Брагин, д-р филос. наук (г. Иваново),
Н.И. Димитрова, д-р филос. наук (Болгария),
И.И. Евлампиев, д-р филос. наук (г. Санкт-Петербург),
К.Л. Ерофеева, д-р филос. наук (г. Иваново),
О.Б. Куликова, канд. филос. наук (г. Иваново),
Н.В. Котрелев (г. Москва),
Я. Красицки, д-р филос. наук (Польша),
Л.М. Максимова, канд. филос. наук (г. Иваново),
Б.В. Межуев, канд. филос. наук (г. Москва),
В.В. Михайлов, канд. филос. наук (г. Москва),
В.И. Мойсеев, д-р филос. наук (г. Москва),
М.И. Ненашев, д-р филос. наук (г. Киров),
Е.А. Прибыткова, канд. юрид. наук (Германия),
С.Б. Роцинский, д-р филос. наук (г. Москва),
В.В. Сербиненко, д-р филос. наук (г. Москва)

Адрес редакции:

153003, г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34, ИГЭУ,
кафедра философии, Российский научно-образовательный
центр исследований наследия В.С. Соловьёва

Тел. (4932), 26-97-70, 26-97-75; факс (4932) 26-97-96

E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru

<http://www.solovyov-seminar.ispu.ru>

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации Журнал «Соловьёвские исследования» включён в «Перечень российских рецензируемых научных журналов», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция Списка от 22 октября 2010 г.)

© М.В. Максимов, составление, 2010

© Авторы статей, 2010

© Ивановский государственный энергетический университет, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВИССАРИОНА ГРИГОРЬЕВИЧА БЕЛИНСКОГО

Ермичев А.А. Вл. Соловьёв о Белинском.....	4
--	---

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Межуев Б.В. Новое о магистерском диспуте Вл. Соловьёва 24-го ноября 1874 года.....	14
Buller А. Почему философия Владимира Соловьёва была чужда русской революционной интеллигенции.....	25
Шапошников В.А. Путь П.А. Флоренского в Церковь.....	36

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Коротков В.Е. Социокультурный подход в историко-философском исследовании.....	50
Скороходова Т.Г. Соловьёвская траектория в востоковедной науке: индологические труды о. Александра Меня.....	62

К ЮБИЛЕЮ НИКОЛАЯ ВСЕВОЛОДОВИЧА КОТРЕЛЕВА

Николаю Всеволодовичу Котрелеву 70 лет.....	77
Интервью с Николаем Всеволодовичем Котрелевым.....	77
Список основных трудов Н.В. Котрелева.....	90
Дзугеца Н.В. «Вечная женственность» Вл. Соловьёва в эстетико- философском дискурсе Вяч. Иванова.....	93
Федотова С.В. Дискурс оправдания: Вл. Соловьёв и Вяч. Иванов.....	99
Баранова Е.П. «Дантовско-соловьёвский код» в ранних поэмах Вяч. Иванова («Сфинкс», «Врата», «Миры возможного»).....	111

ПУБЛИКАЦИИ

Забытый Соловьёв: Поэзия В.С. Соловьёва в русской музыке. Часть 3. Публикация М.В. Максимова.....	117
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Евлампиев И.И. Возвращение империи. Рец. на: Владимир Кантор. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М.: РОССПЭН, 2007; 2009. 542 с.	136
Межуев Б.В. Рец на: Джонатан Саттон. Религиозная философия Владимира Соловьёва. На пути к переосмыслению. Перевод с английского Ю. Вестеля, В. Верлоки, Д. Морозовой. Киев: «ДУХ І ЛІТЕРА», 2008. 304 с.	144
Межуев Б.В. Рец на: Н.Н. Страхов в диалогах с современниками. Философия как культура понимания / С.М. Климова, Е.А. Антонов, Н.П. Ильин и др. – СПб.: Алетейя, 2010. – 208 с.	146

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Нижников С.А. Русская и европейская философия в Словакии.....	149
НАШИ АВТОРЫ.....	156

О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ».....	158
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....	158